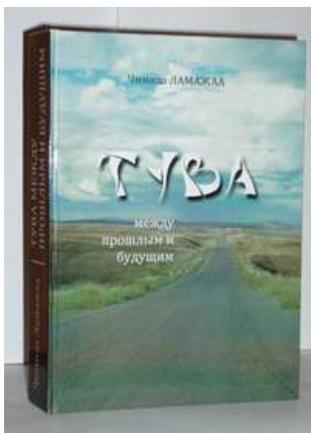

ГЛУБОКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Ламажаа Ч. К. Тува между прошлым и будущим. М.: Изд-во «Восход-А», 2008. – 500 с.

М. С. Байыр-оол¹

IN-DEPTH RESEARCH

Lamajaa Ch. K. Tuva between the past and future. Moscow: Voshod-A, 2008. – 500 p.

M. S. Bajyr-ool

С большим интересом прочитал глубокое и интересное социально-философское исследование Чимизы Ламажаа «Тува между прошлым и будущим» (М., 2008). В монографии рассматриваются узловые проблемы истории Тувы, анализируются социальные процессы прошлого и современности, исследуются истоки социально-экономических, политических проблем региона во взаимосвязи с культурным фактором. В ней также показаны основные черты «национального характера», «политической культуры» тувинцев, попытки реархаизации традиций в политической практике Тувы, отдельные проблемы клановости.

В соответствии с задуманной концепцией монография состоит из трех глав («Картины истории», «Зарисовки о современности», «Сценарии будущего») и тринадцати параграфов.

В первой главе («Картины истории») автор главное внимание обращает к проблемам методологии истории Тувы и совершенно точно отмечает: «Постсоветские изыскания Тувы с трудом выходят из глубочайшего аута, в который их отправил крах идеологического мо-

¹ Байыр-оол Монгуш Сендажиевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва. Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/476-bayir-ool.html

низма в гуманитарных науках. Связи между научными центрами оказались нарушенными, социальная наука Тувы... стала испытывать голод по методологическим наработкам» (С. 21).

В связи с этим автор попытался дать свою оценку хронологического подхода к истории Тувы и ее периодизации. При этом исследователь подчеркнул: «Формационная теория, которая для самой-то России была искусственно «натянута», для тувинского материала (общества?) оказалась вовсе чужеродной» (С. 27).

Опираясь на труды социальных философов об обществе, в частности В. Г. Федотовой, творчески переосмысливая их идеи относительно истории Тувы, автор выбрал ключевое слово своей концепции «модернизация» и связывает его с настоящим и будущим Тувы. Исследователь пишет: «Я прихожу к обозначению своей методологической опоры: выбору теории модернизации, подразумевая ее новейшее направление – «постмодернизацию»), употреблению термина «модернизация» в качестве основного, а также приверженность к постнеклассическому типу научной рациональности, обусловленному моей научной школой (С. 40).

Далее Ч. К. Ламажаа предлагает модернизационный подход к периодизации и ссылается на работы историков. На первом этапе происходило развитие традиционного общества (традиционный период). Собственно же этнос с самоназванием «тувинцы» на территории Тувы сформировался с XVII в., главным образом в XVIII – первой половине XIX вв. (М. Х. Маннай-оол). Между тем этноним «дуба», ставший названием тувинской народности, отмечен впервые в V веке н.э. в летописи Вейской, а затем в летописях Суйской и Танской династий Китая... Несомненно, что дубо, как племя, сложилось намного ранее, о чем нам говорили первые известные письменные сообщения. В. В. Бартольд писал: «К востоку от киргизов и к северу от уйгуров, к

югу от небольшого озера (Косигол) жил ... народ дубо». Н. В. Кюннер районом расселения дубо считал Верхний Енисей (Н. А. Сердобов. Кызыл, 1971).

Поэтому вряд ли правомерно связывать происхождение этнонима тувинцы с новейшим временем. Н. А. Аристов писал: «Севернее гаогюйцев, около озера Косогола и на западе от него жили, по китайским источникам, племена милиге, эчжи и дубо, т.е. меркиты и урянхайцы, которые и ныне зовут себя туба». Есть и другие источники, которые подтверждают, что ранним историческим предком тувинцев является хунну, которые образовали первую кочевую империю в центральной Азии. В связи с этим возникают проблемы генезиса кочевой цивилизации в Азии, ее расцвета и гибели, чем историки, тем более социальные философы, недостаточно занимались.

Автор с точки зрения социальной философии очень интересно и глубоко обобщил сущность традиционного общества тувинской модернизации, силовой мобилизации и постсоветского кризиса. «Реальным результатом преобразований стало построение нового типа общества – социалистического на основе несбалансированной экономики и социальной структуры населения с авторитарной властью», – пишет Ч. Ламажаа, – «Полной победы советской гражданской культуры над тувинской традиционностью не получилось, ибо определенная часть ценностей первой была близка к установкам второй» (С. 83, 95).

Интересно отметить тот феномен, что несмотря на культурную травму в Туве, ее традиционная музыкальная культура не только выжила в основной целостности, но ею интересуется определенная часть населения (музыканты, музыковеды), населения Японии, США, Европы, Австралии. Однако, в России этой своеобразной музыкальной культурой еще мало знакомы. Это парадокс.

Советские реформы для Тувы продолжали линию социальных изменений в сторону силовой модернизации традиционного общества. Однако по сути общество осталось традиционным: с авторитарной властью, с политическими мифологемами, с отсутствием выделенной персональности. После развала СССР в 1990-ые годы для Тувы стали временем больших испытаний и тяжелейшего кризиса в форме дезорганизации власти и культурной дезориентации. Автор прав, утверждая, что за пятнадцать лет (1990-ые годы – начало 2000-х гг.) в республике сложился такой социальный порядок, который можно назвать «новым средневековьем» Тувы. Исследователь приводит множество конкретных примеров архаизации политической жизни. Здесь нет необходимости их перечислять.

В «Зарисовках о современности» (глава 2) автор анализировал такие ключевые понятия, как «тувинский национальный характер», «политическая культура тувинцев», «кланы и клановые корпорации», «клановость в политике», не замыкаясь при этом только на тувинской практике социальной жизни, а связывая эти проблемы с общероссийскими и мировыми теоретическими разработками. Последнее, несомненно, является достоинством данной главы.

Вместе с тем автор впервые в истории социальной мысли глубоко разработал сущность тувинского национального характера, исходя из «внутрисаянского мира» и его «резкой континентальности», и дает следующее определение: «Тувинский национальный характер можно определить как «резко континентальный» по тому, каков климат в регионе и каково природно-климатическое разнообразие в нем» (С. 144). Для подтверждения правоты исследователя напомню, что еще французский мыслитель, философ, правовед и историк Ш. Монтескье (1689-1755) в работе «Этюды о причинах, определяющих дух и характер» (1736) считал, что народный дух формируется объективно, под воздей-

ствием физических факторов, к которым он относил географическое положение, климат, почвы, ландшафт. При этом климат Монтеские считал главным из них.

Особенности национального характера тувинцев исследователь правомерно связывает с «тувинским временем», самоидентификацией, верованиями, политической культурой и клановостью. По-моему, достаточно адекватно проанализированы внутривидовые связи, сущность политической культуры, отношений господства и подчинения у тувинцев, теоретические и практические вопросы клановости.

В качестве наглядного примера приводится описание Н. М. Антуфьевой, весьма типичное отношение властей к подчиненным. В первом случае описано как глава правительства Ш. Ооржак во время встречи со студентами резко обрывал выступающих министров и руководителей агентств, чем вызывал радостный смех неразумной молодежи... Во втором случае сам лидер попал в подобное же положение во время встречи с уполномоченным представителем Президента РФ в Сибирском федеральном округе, генералом А. Квашниным летом 2006 г. Генерал давал команду главам администраций: «Встать!». Время от времени Шериг-оол Ооржак смеялся генеральским выходкам, многие хихикали: «людям доставляло удовольствием насладиться унижением других» (С. 172).

Случайно ли появились эти два вопиющих факта унижения человеческого достоинства? Дело в том, что в России издревле существует имперское, авторитарное форма сознания, о котором столь убедительно писал А. Н. Яковлев в своем труде «Горькая чаша. Большевизм и реформация в России» (1994). Авторитаризм – неизбежное следствие жестокости условий, в которых живет общество: бедность, скудность знаний, многочисленность и частота внешних угроз, конфликтов, войн. Дополнительным фактором авторитаризма в России являлись негра-

мотность подавляющей массы населения, его рассредоточенность по громадным пространствам. Большевизм сполна использовал это наследие, довел общество до кровавых судорог. Причем в условиях «громких аплодисментов, доходящих до оваций». Авторитарное сознание – болезнь заразная, но никто не подпадал под него столь сильно и с такой субъективной готовностью, как номенклатурная элита. В связи с этим А. Н. Яковлев подчеркивает, что авторитаризм еще в рабочем состоянии и повседневной жизни, и на всех уровнях социальной иерархии. Живучесть авторитарного сознания представляет серьезную угрозу демократии.

Рассматривая клановость в политике, в том числе в кочевых обществах Азии, исследователь глубоко проанализировал социальную сущность этого явления на примере урянхайских (до революции 1917 г.) и тувинских правителей XX века и дал емкую философскую характеристику о каждом из них на основе собранных материалов. Я, как человек хорошо знающий историю правления М. Буяна Бадыргы и лично знающий лидеров Тувы после него (С. Тока, Г. Ширшина и Ш. Ооржака) был приятно удивлен наблюдательностью и глубиной знаний молодого автора о каждом из них. Разумеется, у исследователя не было необходимости более подробно писать о них. Ч. Ламажаа писала о них связи с анализом других актуальных проблем Тувы.

В связи с анализом истории и социологии тувинских лидеров, автор сделал совершенно адекватный вывод о том, что правила наследования власти, родственной взаимопомощи, солидарности ради решения хозяйственных задач большой семьи в условиях враждебной социальной среды, при наличии конкурирующих других родов как основы для построения кланов во власти сохранялись (С. 211). Клановость не была изжита в советское время и сохраняется до сих пор. Некоторые пожилые респонденты утверждают, что при С. Токе клановости в ру-

ководстве не было. Однако, это не соответствует исторической действительности.

Очень актуальные соображения имеются в последней, третьей главе монографии, названной «Сценарии будущего», где сложнейшие проблемы постсоветского развития Тувы проанализированы в целом во взаимосвязи проблемы с задачами развития других регионов России. Как известно, Тува входит в число депрессивных регионов. Если задаться вопросом «Почему?», то ответ будет однозначный: в основном не по своей вине. Тува сейчас переживает отдаленные экономические последствия партийного бюрократического пренебрежения закона стоимости, в частности принудительной коммунизации кочевников и русских крестьян, подрыва корней народной жизни, почти интернатского содержания этносов за счет налогоплательщиков, попыток нормирования в сущности запрета содержания частного скота и т.д.

В связи с этим актуальными стали проблемы модернизации, поляризации регионов и, как ни странно, идея укрупнения регионов наподобие колхозов в советское время. Этот факт свидетельствует о том, что российская бюрократия по-прежнему мыслит по-советски. Как показала мировая практика (например, в Турции) коренные преобразования в обществе немислимы без изменения типа мышления. В многонациональной стране идеи укрупнения могут стать бомбами замедленного действия. Я полностью согласен с мнением В. Г. Федотовой, которая определила идею укрупнения регионов как «одну из чреватых хаосом затей». Оно не только укрепит центральную власть и управляемость, не только не будет способствовать самоуправлению, а, напротив, может стать, и по видимому, станет началом русского сепаратизма»². К сожалению, российским бюрократам, в том числе высшего зве-

² Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 379.

на, не хватает компетентности, знания даже истории, не говоря уже о философии, социологии. А это чревато трагедиями.

Рассуждая о проблемах модернизации Тувы, автор сделал вывод о том, что «никто за Туву его не выполнит. Вместо факторов внешних следует обратить пристальное внимание на факторы внутренние – на социальный, человеческий капитал преобразований» (С. 296). Это очень верное положение. Но как преодолеть власть денег, которая сегодня правит в мире, в том числе в России? Ведь реальная власть принадлежит им. Например, перспективы сделать из республики регион-донор строятся на основе реализации плана строительства железной дороги «Кызыл-Курагино», главным назначением которой станет перевозка из Тувы угля из Элегестинского угольного месторождения, о чем много писали в газетах. Но потом те же газеты начали утверждать, что тот, кто будет финансировать строительство железной дороги, начнет скупать наш уголь за копейки, а налоги будут платить не Туве, а тем компаниям, которые расположены в Новосибирске, за Саянами. В результате Тува окажется у разбитого корыта...

В заключение следует подчеркнуть, что монография Чимизы Ламажаа «Тува между прошлым и будущим» написана хорошим профессиональным языком с точки зрения социальной философии. Такую работу может написать только человек, глубоко знающий и чувствующий историю, психологию и социологию своего народа, искренне думающий о судьбе своего этноса. Как представитель поколения реформ конца XX века, она не связана идеологическими стандартами советского времени, но то же время огульно не отрицает позитивные стороны нашей истории, объективно оценивает сложившуюся политическую ситуацию и пытается прогнозировать будущее Тувы.

Вместе с тем Ч. Ламажаа не замкнулась на проблемах Тувы, наоборот, она рассматривает республику как неотъемлемую часть Рос-

сии. Более того, исследователь часто выходил на мировой уровень проблемы. В этом заключается новизна, теоретическая значимость монографии.

Надо признать, что мировая практика пока не знает достаточно-го опыта модернизации многонациональной страны, какой является Россия после быстротечного революционного слома материальной и духовной культуры. Сама Европа переходила к стадии технологической цивилизации постепенно, в течение многих веков. Тем не менее у автора в отношении тувинской модернизации преобладает оптимизм.